

Дмитрий Шептухов

Шикарные похороны

16+

Дмитрий Шептухов
Шикарные похороны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67224939

SelfPub; 2022

Аннотация

"Рассказ-прививка" в стиле черного юмора, в котором продемонстрирован целый каскад неправильных речевых оборотов и неразумного использования слов.

Дмитрий Шептухов

Шикарные похороны

– Ну, без нас не проживешь.

Буркнул себе под нос директор кладбища, оглядывая перспективных потенциальных покойников, собравшихся на похороны.

– Да, яркое предстоит зрелище.

С огоньком в глазах вторил ему сотрудник крематория.

Сразу было видно что хоронят кого то из важных. Скорбящих было много, из больницы даже привезли друга детства покойного. Он несмотря на то что чувствовал себя в своей палате как утка в воде, не мог пропустить этого мероприятия, которое вскоре грозило и ему. Всё подсказывало что усопший был не из простых и со сложным характером.

Из за большого количества собравшихся, похоронная процессия не могла сдвинуться с мертвой точки. Не помогал даже образ покойного, который лежал как продукт своей деятельности и достояние разделяемое многочисленными родственниками.

Вдруг нерасторопный оживляж прокатился по церемонии. Это подъехала гинекологическая ветвь усопшего из го-

рода Петушки.

Петушинцы густой, косматой толпой обступили виновника похорон. Они пристально смотрели на усмирленного гробом родственника, одновременно косясь на месиво из яств накрытого невдалеке стола. Собравшиеся занервничали, так как понимали весь масштаб угрозы исходивший от голодных Петушинцев и Петушинок.

Решено уже было более не отстрачивать и инициативная группа киселеобразными порывами сплотила скорбящих. Церемония хлынула скупой лавиной во внутренний кладбищенский двор, как будто хотела въехать в светлое будущее на Троянском коне.

Шествие извиваясь печалью, двинулось по прямой как стрела аллее «Роддомзагсморг», к месту погребального успокоения усопшего. Но даже в движении присутствие смерти ощущалось очень живо.

Каких только лиц и поступков невозможно было разглядеть в процессии.

Впереди шел близкий родственник, он плакал по вопросу похорон и спрятав голову в ладони, старался взять себя в руки.

За ним плелся упитанный юнец, явно не питавший энтузиазма к происходящему, но обещанный за хорошее поведение Айфон, влачил его вперед.

После шел человек с высохшим лицом цвета старой кожи, вонзившийся как банный лист в спутницу, в дородном теле которой, ютилась хudosочная душевная жизнь.

Вслед за ними ковыляла элегантная стройная дама, пытавшаяся растопыренными сарделькообразными пальцами оживить тучную копну волос, крашенных под каштан.

Еще один товарищ который только что выбился из шелухи в люди и поэтому находился в глубоких поисках поверхностного смысла происходящего.

В самой середине навзрыд плакала девушка, плакала она так, что расплескала на пол лица глаз своих голубые лужицы.

Человек с плечами похожими на два разварившихся пельменя, словно пытаясь выскользнуть из кипящего бульона пользовался любимым, даже не подходящим случаем, чтобы обогнать передне идущих.

Далее, рефреном к нему шествовал мужчина, было видно что его пищевой гедонизм, обошёл гигиенически несправедливо с объемом его отнюдь не впалой талии. Видимо он очень любил пельмени и поэтому преследовал по пятам впереди снующего.

Замыкала процессию мадам с восхитительным изгибом ветвящегося во всю спину позвоночника, символизирующего витиеватый жизненный путь усопшего.

Словно написанная маслом художника процессия достигла наконец пункта назначения и предки Адама подковой

сгрудились у места прощания. Заметно было что в моменте скорби их сплотила психологическая несовместимость.

Первым взял слово ближайший друг усопшего, подойдя к микрофону он как следует саданул эпистолярным жанром:

– Друзья! Трагично что все мы здесь сегодня собрались!

Фатальный поцелуй невесты вырвал усопшего из наших рядов, также как опытный стоматолог рвет зуб, стремительно и звонко.

Но стоматолог ошибся, он вырвал здоровый зуб, оставив зияющую щель в некогда стройном частоколе наших душ.

Зарастет ли когда нибудь этот прорыв? Не знаю товарищи, не знаю, как поливать будем.

Несмотря на повсеместно блуждающий плач, ближайший друг усопшего не сбавлял грамматический натиск и продолжал:

– Да, полно еще непрофессионалов, полным полно. Но мы мощными челюстями своего интеллекта обещаем раскусить их злые намерения. А большее всего то, что из за таких вот стоматологов с купленными дипломами, стоим мы и мерзнем тут в этом зимнем лихолетье. Зуб вырывать надо было хотя бы в мае.

После него на трибуну взгромоздилась женщина атмосферно скатившаяся до непреклонного возраста. Начала она

с вопреки всему ожидаемой фразы:

– Нас постигла редкая удача собраться здесь, а до этого быть знакомыми с покойным.

Усопший внес скромный вклад щедростью своих поступков. В страстном порыве и вооруженный апогеем наперевес, умело освобождал он нас от нелегкой обязанности мыслить самостоятельно.

Нелепая смерть, нелепая! Лучше уж вообще не умирать, чем вот так!

В процессе речи с нее вдруг соскочило затмение чувств, но вывих языка оборвал ее на полуслове.

Далее речь подхватил ближний родственник с Дальнего Севера.

В его человеческой голове, крупные юркие зубы были широко посажены в короткий рот. Бойко шевеля губами он выдавал обрубки слов, говорил он так, как будто в свое время встретил войну в лицо. Но не многие знали что причина в том, что все свое свободное время он убивал на охоте. Отстреляв двойной боекомплект словарного запаса он неохотно передал эстафету какому то не дострелянному полуинтеллигенту.

Оглядев всех выдавшими виды глазами, тот с псевдо научным видом сказал:

– В то время как мы стоим обескураженным строем, против грядущего потока, в лице беспринципного грядущего поколения. Покойный был сигналом нам к неприкасаемому единоборству за стабилизацию нравов и устоев.

Не в нужный момент он покинул нас друзья, не в нужный! И борьба наша теперь вряд ли будет проиграна!

Говорил он так долго, что не понятно было куда ставить запятые в его речи, да и со счета последних все уже сбились. Аллегии сковали его творческую инициативу, лексическими рамками вырывая суть недосказанного.

Но внезапно возникшее самообладание овладело им, принудив кончить рассказ. Собравшиеся испытали легкое облегчение, которое было похоже на выкуренную после секса сигарету.

Следующий взявший слово заметно нервничал, но в конце концов незапертая фраза прорвалась:

– По одежке и протягивают ножки

Выпалил он.

Доведенный до высшего вакуума разум, поразил всех объемами внутренней целины его самосознания.

– Почему меня не трогает его смерть? Я ведь ее игнорирую!

Продолжал удивлять слушателей неуклюжий мозг выступающего.

– Я не согласен, не согласен! Ему легко там лежать, а нам

вот что делать? Что остаётся нам? Клиническая жизнь?!

Вдруг осознав что коэффициент смертности среди людей составляет сто процентов, он с грустным конфузом молча закончил свое выступление.

Быстро надвигающаяся тишина стала сигналом финали- зирования погребального процесса.

Местами трезвые рабочие приступили к омогиливанию кладбища, путем производства захоронения. Процесс свер- нули быстро и неторопливо.

Могилка была вырыта на современный лад, не подкопа- ешься. А главное, искусно созданный штыковыми лопатками холмик тут же гармонично встроился в физиологию кладби- ща. Отседова можно было сделать вывод, что усопший был мастером перевоплощения и остался им после самой своей смерти.

Действо подходило своим чередом к концу. Но даже в та- ком трагическом событии, когда раскрывается вся палитра по человечески глубоких чувств, есть свои ништяки, и это погребальный хавчик. Участники похорон встрепенулись и аккуратным наскоком приступили к еде.

На радость гастритам и язвам, стол был даровит на яства, а скатерть шита крыта смачными лакомствами и приправлена по бокам тарелками оборудованными вилками и ложками.

Ближний родственник с Дальнего Севера, который после своей речи стал еще дальше для окружающих, с легкой улыбкой откупорил тяжелую бутылку и поставил вопрос о тосте.

Выпив, отдыхающие после похорон увлеклись едой.

Один с умственно отсталым видом ел по уму приготовленные вчерашние мозги.

Другой, с голодными глазами снизу подкрепленными мощно развитым желудком, ловко разнимал заднюю утиную ножку.

А третий, уже примелькавшийся как сельдь под шубой на Новогоднем столе, опережая всех полностью погрузился в десерты.

У самой кромки стола, сиюсь побороть свою слабость расположилась женщина. Она была похожа на самку Хамелеона, один глаз которой не отрывался от графина с водкой, а хрусталик другого глаза был пристально припаян к шкалику со спиртом.

Так и стояла она раздираемая внутренними противоречиями, пока наконец один из гостей с возгласом: «Маленькая рюмочка не самое большое зло», с бережным насилием пододвинул к ее рту непечатый шкалик.

Алкогольный охмел подействовал быстро и преодолел барьер стыдливости, женщина засучив рукава приступила к трапезе.

Насытившись, даму потянуло на откровения и она стала рассказывать про нехоженые тропы своей хромой любви к усопшему. Про то, какой распутной дорогой ходила она на свидания и про перенесенные обвинения по изгрызению совести и невыхождению замуж.

Не выдержав, по соседски стоявший рядом человек обнял ее за точеную талию и в следующий миг его рука провалилась в нее, как в глубокий жбан с тестом для сдобных пирожков проваливается горячее топленое масло.

Совершенно несомненно что водка имеет свойства истреблять остатки бескультурного застолья и когда очередь говорить тост подошла до ближайшего друга детства, он оглядел присутствующих и иссушенными пылесосом глазами полными слез сказал:

«Ну, давайте, чтоб не в последний раз!». Выпил до самого дна, а остатки плеснул на пол.

Один из охмелевших гостей с печатью душевного убожества и со ртом чебуреком собранным в пуговицу, начал злословить. Лексика определяла уровень его культуры не в лучшую сторону.

Словесная гангрена рисковала распространиться на тело всей церемонии, пока ее не отсекли врачующе-острым скальпелем всеобщего горя.

Но предпосылки для развития рукоприкладства все же

были заложены. Дичь на столе не шла не в какое сравнение с дичью творившуюся по его краям.

Следующий пьяный скорбящий на удивление всем вдруг внештатно раздел штаны догола и распереживался. Соседняя дама громко вскрикнула, онемев от страха. Надо было срочно предпринимать девственные меры чтобы не допустить мордобоя. Погасить конфликт почти удалось, но на беду как раз не кстати мимо проходила группа анти общественных подонков общества.

Один из подонков исподлобья метнул в церемонию взгляд опутанный хмарью и твердо покачал головой. В ответ церемония и пальцем не пошевелила в его сторону. Проявленное неуважение стало надежным гарантом трансформации ситуации в физическую драку. Пока подонки шли к церемонии, они окончательно вышли из себя.

Поединок завязался по весеннему плавно и задорно. По сторонам разлетались изящные нокауты, некоторые отважно шарахались в стороны, а другие яростными конями скрывались между могилками и крестами.

Вскоре, одержав дешёвую победу над недостающими силами подонков, выпустившая пар прощальная церемония успокоилась и мысленно вернулась к усопшему. Но смысл и результат похорон был утрачен безвозвратно.

Проходивший мимо прохожий замер и уставился на картину с последствиями мордобоя.

– Дерутся?

Спросил он у работника кладбища.

– Нет, хоронят.

Ответил тот.

– Кого?

Переспросил прохожий

–Язык.

Вернулось ответом.

– Говяжий?

– Да нет, Русский.